Античная древность и средние века. 2015. Вып. 43. С. 40–61

УДК 94(37):930+930.2+930.85
DOI 10.15826/adsv.2015.43.002

А. С. Козлов

ПРОБЛЕМА ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И КНИГА Б. УОРДА-ПЕРКИНСА

Аннотация: Представленное исследование сосредоточивает внимание на следующих проблемах: основные вопросы падения Римской империи в современной западной историографии; место в этой историографии монографии Б. Уорда-Перкинса.

Ключевые слова: историография падения Римской империи, современные англо-саксонские теории падения античной цивилизации, Б. Уорд-Перкинс

На историографическом поле проблемы падения Римской империи имя профессора оксфордского Тринити-колледжа, археолога Брайана Уорда- Перкинса относится к тому сегменту, который, если использовать терминологию англо-саксонских штудий, определяет изучаемое явление как *catastrophic collapse*. К наиболее видным английским специалистам этого направления на рубеже XIX–XX вв. принадлежал Д. Б. Бьюри[1], а из современных авторов в данном ключе наиболее продуктивно работает Питер Хизер[2]. Однако концепция угасания античной цивилизации и последствий этого процесса, предлагаемая Б. Уордом-Перкинсом, по своему уникальна. Его книга, опубликованная в 2005 г., как кажется,

[1] См.: *Bury J. B.* A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). London, 1889. Vol. 1–2. Следует приветствовать недавний перевод на русский язык одной из самых репрезентативных в концептуальном плане книг этого автора: *Бьюри Д. Б.* Варвары и Рим. Крушение империи / пер. Л. И. Игоревского. М., 2013.

[2] Наиболее важные работы: *Heather P. J.* Goths and Romans 332–489. Oxford; New York, 1991; *Idem*. The Goths. Oxford, 1996; *Idem*. The fall of the Roman Empire: a new history of Rome and the Barbarians. Oxford, 2006; *Idem*. Empires and Barbarians. Migration, development and the birth of Europe. London, 2009. Мой анализ двух монографий П. Хизера см.: *Козлов А. С.* Реконструкция истории падения Западной Римской империи // Известия Урал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 3 (105). С. 290–297; *Его же*. Рец. на кн: Heather P. The fall of the Roman Empire: a New History of Rome and the Barbarians. Oxford, 2006 // ВВ. 2012. Т. 71 (96). С. 299–307.

© А. С. Козлов, 2015

уже прочно вошла в круг ведущей литературы по указанной проблематике[3]. Уникальность данного исследования в том, что при рассмотрении показателей и причин гибели античности и складывания раннесредневековых структур главный акцент автор делает на явлениях, которые в российской науке, как и в XX в., обычно именуют «социально-экономическими». Уже поэтому аргументация Б. Уорда-Перкинса интересна не только российскому специалисту, но и широкому кругу читателей, интересующихся драмой переходных периодов в истории, – благо работа английского ученого написана простым и ярким языком. Называть эту концепцию хотя бы внешне сходной с марксистской будет крайне некорректно, – у изысканий Уорда-Перкинса иная методика, к тому же в рамках исторического детерминизма он более тяготеет к поиску многофакторности причин исторического процесса, погубившего Рим.

Поэтому для начала – ряд оговорок. Для уточнения места труда Б. Уорда-Перкинса в сложнейшей и необъятной историографии падения Римской империи вряд ли целесообразно в ограниченной по объему статье излагать содержание смыслов и направлений такого рода тематики[4]. Достаточно обозначить особенности того историографического вектора, в рамках которого работает его методика и формируются его оценки *the Decline and the Fall of the Ancient Rome*.

Если говорить коротко, то основной смысл концепций в пределах направления, характеризующего исчезновение античности как *catastrophic collapse* [лишь отчасти восходя к идее «распада, возникающего вследствие общего недомогания» (*decay owing to general malaise*) Э. Гиббона], заключается прежде всего том, что падение Империи не было предопределенным событием и не должно считаться само собой разумеющимся. Катастрофа произошла, скорее всего, из-за совпадения множества неблагоприятных для античности процессов, значительная доля которых оказалась вызвана Великим переселением народов. Общий эффект воздействия негативных факторов создал слишком большое напряжение в социальной и государственно-политической структуре империи, долго сдерживать которое она не смогла.

---

[3] Имеется в виду монография: *Ward-Perkins B.* The fall of Rome and the end of civilization. Oxford, 2005 (далее в тексте статьи – Ward-Perkins).

[4] Из новейшей историографии, посвященной анализу падения Римской империи следует отметить второе издание капитальной монографии А. Демандта (*Demandt A.* Der Fall Roms: die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. München, 2014) и статью К. Вичеля (*Witschel C.* Imperium im Wandel. Das Ende des Römischen Reiches im Urteil der modernen Geschichtswissenschaft // Praxis Geschichte. Braunschweig, 2014. Nr. 1. S. 4–11).

Нетрудно заметить, что подобное историографическое направление (преимущественно в англоязычной науке) частично соприкасается с другими[5]. Например, с упомянутой выше идеей, восходящей к Э. Гиббону (империя с самого начала стояла на *unsound foundations*), его роднят конкретные оценки губительных для империи явлений, – будь то варваризация армии, сопровождаемая снижением стандарта качества боевой подготовки и лояльности армии к властям (на чем акцентирует внимание А. Феррил[6]), или, наоборот, развитие системы патроциниев и связанная с этим «феодализация» армейских структур (по А. Демандту[7]); в эту же группу суждений можно включать оценку римской экономики как экономики грабительской, которая с прекращением завоеваний вынудила искать поддержку в повышении налогообложения, вымывающем «средний класс» (о чем писал А. Тойнби[8]) или же вообще вела к сокращению численности населения (на чем настаивали независимо друг от друга Ж. Бурдо и Г. Дауни[9]); таким явлением также представляются снижение качества валюты в условиях жесткой, ограничительной «прогородской» ценовой политики, объективно ведущей к дезурбанизации (мнение М. Ростовцева[10], идущее вразрез с выводами Ф. М. Хайхелхейма, выяв-

[5] Отмечу, что Б. Уорд-Перкинс, помимо источников, ссылается преимущественно на англоязычную литературу (нередкое качество современных специалистов по поздней античности и раннему европейскому средневековью, работающих в научных и учебных центрах Содружества наций и США). Поэтому для понимания концепции этого исследователя я привожу параллели преимущественно из такого рода работ, привлекая суждения немецко-, итало- и франкоязычных специалистов лишь в той мере и в тех сюжетах, где они либо серьезно дополняют англоязычных коллег, либо радикально контрастируют с ними.

[6] См.: *Ferrill A.* The fall of the Roman Empire: the military explanation. New York, 1986.

[7] См.: *Demandt A.* Der spätrömische Militäradel // Hiron. 1980. Bd. 10. S. 609–637.

[8] См., например: *Тойнби А.* Постижение истории. Избранное / пер. Е. А. Жаркова. М., 2001. С. 499. Итоги своему многолетнему труду с учетом мнений критиков и с некоторыми исправлениями первоначальных положений А. Тойнби подводит в книге: *Toynbee A. J.* A study of history. Oxford, 1961. Vol. 12. Емкий и краткий анализ см.: *Штаерман Е. М.* Античность в современных западных историко-философских теориях // ВДИ. 1967. № 3. С. 3–24.

[9] См., например: *Bourdon J.* Le monde antique s'est-il dépeuplé ? // Journal de la Société de Statistique de Paris. 1948. Vol. 89. P. 113; *Downey G.* The Later Roman Empire. New York, 1969. P. 96.

[10] См.: *Rostovtzeff M. I.* The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1957.

лявшего новации в производстве поздней античности[11]), или тупик в денежно-кредитной политике, направленной в конечном счете на финансирование армии и приведшей к «фермеризации» легионеров и опять-таки к снижению обороноспособности (точка зрения Б. Бартлетта[12]). Особое место среди тех, кто, наряду с прочим, с успехом пытается отследить взаимосвязь распада не просто Римской империи, но античного общества с феноменами раннего средневековья, является, безусловно, наш современник К. Уикхэм, развивающий суждение о распаде римского общества на множество «отдельных состояний», которые функционировали как закрытые системы в условиях, когда непрерывно усложнявшаяся империя вынуждена была половину бюджета тратить на армию[13]. Наконец, в наши же дни Э. Голдсуорти подчеркивает губительность для империи гражданских войн, усиливающих фракционность в римской армии, что в сочетании с экономическими трудностями подрывало силы государства[14].

Повторяю – все отмеченные процессы, имевшие место в поздней античности (а я выделил лишь те из них, которые Уорд-Перкинс учитывает чаще всего), направление, к которому принадлежит наш автор, так или иначе принимает во внимание. Конечно, это не мешает и сейчас тем же П. Хизеру и Б. Уорду-Перкинсу критически относиться к конкретным интерпретациям большинства такого рода фактов. Но примечательно другое – в своей книге Уорд-Перкинс гораздо острее, нежели в свое время Д. Б. Бьюри, а сейчас – П. Хизер, реагирует на те историографические направления изучения падения Римской империи, которые противостоят признанию *catastrophic collapse*.

Правда, в этом он в определенной степени избирателен. Сравнительно нейтрально относясь к идеям Э. Гиббона, Уорд-Перкинс весьма уважителен по отношению к изысканиям нашего современника П. Брауна, «блестящего историка и стилиста», помещающего позднюю

---

[11] См., например: *Heichelheim F. M.* Römische Sozial- und Wirtschaftsgeschichte: von der Königszeit bis Byzanz / Historia mundi: ein Handbuch der Weltgeschichte in zehn Bänden / hrsg. von F. Valjavec. Bern, 1956. Bd. 4: Römisches Weltreich und Christentum. S. 470.

[12] См.: *Bartlett B.* How Excessive Government Killed Ancient Rome // The Cato journal: an interdisciplinary journal of public policy analysis. Washington, D. C., 1994. Vol. 14. P. 287–303.

[13] См., например: *Wickham C.* The inheritance of Rome: a history of Europe from 400 to 1000. New York, 2009. Cap. 2, 4.

[14] См.: *Goldsworthy A.* The fall of the West: the Death of the Roman Superpower. London, 2009.

античность в рамки II–VIII вв. и характеризующего конец этой цивилизации не как распад, а как религиозную и культурную революцию, растянувшуюся от Поздней Римской империи и продолжившуюся после 476 г.[15]

Б. Уорд-Перкинс подчеркивает, что концепция Брауна весьма эффективна, особенно в США, где ученый ныне живет и работает (Ward-Perkins, 3–4). Но в конечном счете именно такого рода концепции вызывают активное неприятие у нашего автора и побуждают его к написанию рассматриваемой мною книги. Он не формулирует цели своего исследования в традиционно предметной форме, а выстраивает ее в виде полемического тезиса – «я чувствую себя обязанным бросить вызов таким представлениям» (Ward-Perkins, 10).

Подобной постановкой цели во многом определяется не только форма книги, но и ее содержание. Это не привычный нам стройный компендиум фактов из истории поздней античности, объединенный единым подходом, – не впечатляющий по объему и предназначенный для широкого читателя, прежде всего – для студентов. Таких работ немало появилось на Западе в последние два десятилетия. Книга Б. Уорда-Перкинса ограничивается минимумом хрестоматийно-событийных реалий поздней Империи и первых веков раннего средневековья. Она отдает приоритет нетрадиционной методике интерпретации этих реалий, – с привлечением данных археологии (ибо автор, кроме всего прочего – профессиональный археолог). Причем в пределах археологической аргументации автор прежде всего обращает внимание не на высокие достижения искусства и материальной культуры (что опять-таки было бы привычно для западного антиковеда или медиевиста), а на массовый материал, на данные, вытекающие из характеристики эволюции керамического и прочего производства, призванного удовлетворять *повседневные* потребности человека поздней античности и раннего средневековья.

Но об этом – ниже. Пока что обратим внимание на то историографическое направление анализа падения Римской империи, которому бросает вызов Уорд-Перкинс.

Если свести оценки судеб поздней античности, которые дает это направление, в краткое, но емкое определение, то им будет понятие *the transformation*. Корни современных историографических разработок

[15] Программной для концепции П. Брауна являются не только его капитальная монография 1971 г. (*Brown P.* The world of late antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad. London, 1971), но и резюмирующая статья: *Brown P.* The World of Late Antiquity Revisited // Symbolae Osloenses: Norwegian Journal of Greek and Latin Studies. Oslo, 1997. Vol. 72. P. 5–30 (esp. 14–15).

на данном поле восходят не к англо-саксонской традиции, а к французской, наиболее ярко представленной во второй половине XIX в. Фюстель де Куланжем. Как известно, он последовательно проводил и фундировал мысль, что вторгавшиеся в Римскую империю варвары объективно способствовали процессу преобразования римских институтов в средневековые. Однако наиболее основательно к эмпирике и методике такого рода континуитета подошел Анри Пиренн, чей труд «Карл Великий и Мухаммед», будучи издан в 20-х гг. XX в., не утратил своего влияния и по сей день[16]. По А. Пиренну, варвары вошли в Империю не для ее разрушения, а для усвоения достижений позднеантичной цивилизации, а значит – и римского способа производства вместе с римским образом жизни. Отсюда – франкское государство оказывается продолжением Римской империи, а Карл Великий оказывается преемником римских императоров. Реальная цезура в такого рода римской истории имеет место в VII–VIII вв. в результате арабской экспансии, разорвавшей экономические связи Западной Европы и обрекшей ее на экономическую стагнацию. Последняя сосуществовала с наличием в регионе невостребованных сырьевых ресурсов, выключенных из оборота, а это означало упадок и обнищание. В результате Европа, начиная с эпохи Карла Великого, аграризируется, ограничивает свой быт прожиточным минимумом и локальными торговыми связями. Взгляды А. Пиренна на континуитет римских институтов, продолжавшийся даже после варварской инфильтрации, поддерживаются до сих пор (с известными оговорками) такими специалистами как Франсуа Мазе, Карл-Фердинанд Вернер и уже упомянутый Питер Браун[17].

---

[16] См. об этом, например: *Hodges R., Whitehouse D.* Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe: archaeology and the Pirenne thesis. New York, 1983; French historians, 1900–2000: new historical writing in twentieth-century France / ed. by Ph. Daileader, Ph. Whalen. Malden (Mass.), Oxford, 2010. P. 496.

[17] Следует оговориться, что некоторые современные специалисты констатируют факт допущения А. Пиренном двух принципиальных ошибок – оценки державы Каролингов как по сути римского государства и переоценки эффекта арабской экспансии в Восточном Средиземноморье. С другой стороны, существует мнение о справедливости постановки вопроса о континуитете империи (при помещении в кавычки падения Рима) и одновременно – о преувеличении Пиренном негатива от разрушения арабами средиземноморских торговых коммуникаций. Так, известный историк М. Маккормик утверждает, что недавно поступившие в научный оборот коллективные биографии раннего средневековья (имеющие сходство с китайскими эпохи Вэй) позволяют говорить о новых торговых маршрутах в Средиземноморье времен Аббассидов. Кроме того,

В духе концепции А. Пиррена процессы, имевшие место в Европе и в Средиземноморье в целом между III и VIII вв., рассматриваются, как правило, и тогда, когда им придается форма «столкновения цивилизаций», – в данном случае столкновение между обществами римлян и германцев. Так, французский исследователь варварских вторжений в позднеантичную Европу Л. Мюссе, приходит к выводу, что собственно европейская цивилизация начала формироваться в результате синтеза между позднеантичным миром и германскими народами[18]. Римская империя в рамках этого процесса не «пала», не минимизировалась, а лишь преобразовывалась. Один из наиболее предпочтительных для Мюссе методов доказательства такой идеи – анализ топонимов и антропологических выкладок, отсюда его частые обращения к данным археологии, демонстрирующим, по его мнению, континуитет в городе и деревне, в искусстве и технологиях раннего средневековья.

В том же направлении ведет исследовательскую мысль использование термина «поздняя античность» (*Spätantike*), введенного немецкоязычными историками в начале XX в. и популяризированного А. Риглом[19]. Термин *late antiquity* параллельно получил научную прописку и в английской литературе, но обрел особую содержательность и конструктивность в работах П. Брауна[20]. Последний пересмотрел «постгиббоновские» взгляды (прежде всего – своих англоязычных соотечественников) на окостеневшую государственность и культуру классической

данные археологии и особенно нумизматики уверенно позволяют судить о нарастании притока арабской монеты на территории Каролингов, – что, в свою очередь, позволяет говорить о параллельном монете обратном, к арабам, движении товаров – рабов, леса, янтаря, мехов. См.: *McCormick M.* Eternal victory: triumphal rulership in late antiquity, Byzantium and the early medieval West. Cambridge; Paris, 1986; *Idem*. Origins of the European economy: communications and commerce, A.D. 300–900. Cambridge, 2001.

[18] См., например: *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Европу: германский натиск / пер. А. П.Саниной. СПб., 2006. С. 195 и след.

[19] См. об этом: *Giardana A*. Esplosione di tardoantico // Studi storici, 1999. Vol. 40. P. 157–180; *Селунская Н. А.* «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» // ВДИ. 2005. № 1. С. 249–253; *Ващева И. Ю.* Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). С. 220–231.

[20] В наиболее законченном и аргументированном виде концепция П. Брауна представлена в монографиях: *Brown P.* The world of late antiquity: A.D. 150–750. London, 1976; *Idem*. The Making of Late Antiquity. Cambridge, 1978.

цивилизации, выдвигая на первый план динамичную и яркую эпоху, начинающуюся со второй половины II в. и оказывающуюся самостоятельной целостной системой, включающей цивилизационные параметры, которые подчеркивали изменения в культуре Запада, в принципе восходящие к прежней почве.

Подобная концепция не принимала для III–VIII вв. возможность формирования новой системы, присущей раннему средневековью, рамки которого, таким образом, существенно отодвигались[21]. Преемственность между Поздней Римской империей, созданной во времена первых тетрархий, и ранним средневековьем выходит на первый план тогда, когда подчеркивается наличие семян средневековой культуры уже в христианизированной империи, – что, кстати историографически переносится и на реалии Восточной Римской (Византийской) империи (до арабских завоеваний). В соответствии с этой концепцией остготы и вестготы оказывались носителями римской традиции. Очень важное историософское следствие концепции – не просто необходимость видеть в Европе средних веков социальные и культурные явления, рожденные античностью, но и иной смысл терминов «раннее средневековье» или «ранняя Византия», которые подчеркивают разрыв с классическим прошлым. Кроме того, это ведет к переосмыслению рамок Великого переселения, – ибо преуменьшаются негативы разрушений на Западе, сопровождающих возникновение варварских королевств[22].

Б. Уорд-Перкинс слишком уважает П. Брауна и по-своему ценит его работы, чтобы сделать их главной мишенью своей критики. Он поступает иначе. Отметив изменения в словаре историков, особо приверженных понятию «поздняя античность» (смена таких терминов как *decline* и *crisis* словами *transition*, *change*, *transformation*), Уорд-Перкинс сосредоточивает свою критику на трудах, вышедших в рамках проекта «*The Transformation of the Roman World*», профинансированного фондом *European Science Foundation* (ESF)[23]. Действительно, в этих работах от-

---

[21] Ср.: *Bowersock G. W.* The Vanishing Paradigm of the fall of Rome // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. Boston, 1996. Vol. 49. P. 29–43 (esp. P. 34).

[22] Подобные историографические следствия четко уловил П. Хизер. См.: *Heather P.* The fall of the Roman Empire… P. XIII–XIV, 458–459.

[23] В рамках проекта вышли такие компендиумы исследований как: Strategies of distinction: the construction of ethnic communities, 300–800 / ed. by W. Pohl. Leiden, 1998; Transformation of frontiers from late antiquity to the Carolingians / ed. by W. Pohl, I. Wood. H. Reimitz. Leiden, 2001; Construction of communities in the early Middle Ages: texts, resources and artifacts / ed. by R. Corradini,

сутствует объяснительная ориентация, связанная с такими явлениями как «упадок», «падение», «кризис» и уж тем более «конец» Римского мира; в центре внимания авторов проекта – именно «трансформация», ибо Рим, согласно основной идее авторов компендиумов, продолжал жить, хотя и в несколько иных формах и параметрах (Ward-Perkins, 4). Соответственно Б. Уорд-Перкинс не приемлет и ревизию негатива варварских вторжений как предпосылки распада Западной Римской империи, а значит – не принимает и термина «приспособление» как обозначения бытия этносов и социумов в новой обстановке V–VIII вв. (Ward-Perkins, 5). Из современных историков, обосновывающих идею *accomodation*, Уорд-Перкинс особо выделяет канадского специалиста У. Гоффарта, отмечавшего осознанность римской политики по превращению варваров (через эффективную систему договоров) в союзников позднеантичной цивилизации.

В методике Гоффарта Уорд-Перкинс видит серьезный изъян: прекрасно зная о перманентном состоянии войны между империей и варварами, канадский исследователь считает определяющей чертой V в. не вторжения, а объединение варваров для их интеграции в качестве защитников Запада (Ward-Perkins, 9). В этом отношении отдается должное логическому заключению У. Гоффарта: «То, что мы называем падением Западной Римской империи, было наполненным богатым воображением экспериментом, который малость выскользнул из рук»[24]. Получается, что Рим действительно пал, – но не потому что его захватили, а потому что он добровольно делегировал свою власть Одоакру и др. С другой стороны, У. Гоффарт признает известную долю насилия со стороны варваров и частичную неудачу вышеупомянутого эксперимента. Но, по мнению Б. Уорда-Перкинса, эти нюансы оказываются забыты в ряде новейших работ, где теория «мирного приспособления» декларируется как универсально применимая модель для объяснения конца Римской империи. Так, даже такие заметные американские антиковеды как Р. У. Матисен и Д. Шанзер заявили, что седентаризация варваров происходила «в естественной, органичной и преимущественно мирной форме» и не правы историки, которые до сих пор «демонизируют варва-

M. Diesenberger, H. Reimitz. Leiden, 2003; Making of feudal agricultures? / ed. by M. Barceló, Fr. Sigaut. Leiden, 2004 и др.

[24] *Goffart W.* Barbarians and Romans, A.D. 418–584: the techniques of accommodation. Princeton, 1980. P. 230.

ров и проблематизируют варварское расселение», т. е. делают акцент на отрицательных последствиях вторжений[25].

Б. Уорд-Перкинс делает интересное историографическое и одновременно социологическое наблюдение – большинство поборников концепции «трансформации» Римского мира, изображающих варваров как мирных мигрантов, являются выходцами из Северной Европы и Северной Америки, – а в упомянутых выше томах проекта, финансируемого ESF, преобладают специалисты из Англии, Скандинавии, Германии и Австрии; язык проекта – преимущественно английский и французский. Позднюю античность, постулируемую этими учеными, Уорд-Перкинс именует *new and rosy Late Antiquity*, а изображение ими расселения варваров в V в. – *essentially undisruptive* (Ward-Perkins, 170). При этом Уорд-Перкинс указывает на некорректность методики значительной части этих авторов в аргументировании их основных тезисов: большая часть свидетельств, характеризующих *the new and upbeat Late Antiquity*, взята из реалий Восточного Средиземноморья, где мы действительно наблюдаем определенное процветание в V и VI вв., а в странах Леванта – и в VIII в. В одном из недавних руководств по истории Поздней Античности наш автор обнаружил 183 тезиса с реалиями восточной части империи, и лишь 62 (т. е. ок. 25%) – с реалиями западными. В этом руководстве не нашлось места хотя бы для краткой истории франков и вестготов, двух народов, которые доминировали на Западе в VI–VII вв., ничего не было сказано об Англии и англо-саксах.

Иными словами, «новая Поздняя Античность» – «отчасти преднамеренная коррекция по отношению к предшествующему предубеждению, согласно которому весь Римский мир приходил в упадок в пятом столетии, потому что это – то, что случилось на Западе» (Ward-Perkins, 170–171). Б. Уорд-Перкинс справедливо полагает, что вышеописанная аберрация, перемещение центра наблюдения (и «центра мира»!) в IV–VIII вв. к Египту, Леванту и Персии, является «побудительным вызовом нашей ментальной структуре и культурным ожиданиям». Но в самом наложении на развитие всей позднеантичной цивилизации преимущественно восточного материала виден изъян, – подобный тому, который имел место при наложении на восточную сферу западных явлений «кризиса» и «упадка». Продолжая Позднюю Античность в странах Леванта до 800 г., мы рискуем исказить историю Запада до 400 г., а Эгеиды – до 600 г.

---

[25] См.: Society and culture in late antique Gaul: revisiting the sources / ed. by R. W. Mathisen, D. Shanzer. Aldershot, 2001. P. 1–2. См. также: *Bowersock G. W.* Selected Papers on Late Antiquity. Bari, 2000. P. 187–197.

Б. Уорд-Перкинс видит выход из этой методологической ловушки в распространении понятия «Поздняя Античность» на период 250–800 гг. при признании драматических изменений и неоднородности политической, экономической, административной и военной сфер во всем пространстве бывшей единой Римской империи (Ward-Perkins, 171). Но и в этом случае единственным критерием, по его мнению, в соответствии с которым данное понятие может сработать и для интерпретации характера постримского мира, это распространение и триумф в рамках этого мира мировых религий, христианства и ислама. *New Late Antiquity* строится вокруг этих событий и радикальных (в связи с ними) изменений в условиях человеческой жизни (связанных в отношении к семье, смерти, обществу). При учете этого понятно, почему у критикуемых Б. Уордом-Перкинсом авторов *modern Late Antiquity* – прежде всего духовный, умственный мир, почти исключающий светскость и материальные, прежде всего экономические явления. Особенно заметно это в соответствующих исследованиях, проводимых в США. Недаром из 36 томов серии «*The Transformation of Classical Heritage*», издаваемой *University California Press*, тридцать посвящены изысканиям в идейной и религиозно-культурной сферах (преимущественно – вопросам становления и развития христианского мышления и практики), и только пять или шесть – светской тематике (главным образом – административным и политическим проблемам); ни один том не сосредоточен на истории материальных условий социализации.

Между тем, повторюсь, одна из основополагающих презумпций в исследовании Б. Уорда-Перкинса – признание основным явлением в экономике и социальной жизни финала римской цивилизации не *recession* и не *abatement*, а «в высшей степени качественное изменение, – с исчезновением всех отраслей промышленности и коммерческих сетей» (Ward-Perkins, 117). Заявление необычайно сильное, но с крайне спорной конкретизацией происходившего, ибо даже в самой книге английского исследователя содержится масса примеров, противоречащих тезису о *disappearance of entire industries*. Однако наиглавнейшая мысль Уорда-Перкинса в его концепции падения античной цивилизации все-таки вращается вокруг показателей неуклонной деградации уровня жизни на Западе в V–VII вв., процесса, коснувшегося всех – «от земледельцев до королей» (Ward-Perkins, 87).

Исследователь исходит из в общем-то правильного постулата, что экономика классической империи порождала известный нам по источникам товарооборот как бы в двух эшелонах – в одном, меньшем по объему, но международном, обеспечивались потребности государства и элиты, а в другом, местном, – нужды рядового населения в *hight-quality*

functional products. Именно в этом, втором эшелоне, содержащим, наряду с прочим, такой массовый, повседневный продукт как керамические изделия, по мнению Б. Уорда-Перкинса, содержатся неопровержимые доказательства об *a startling decline in western standards of living*[26]. При этом исследователь убежден, что «общая картина, которую мы способны реконструировать на основе анализа керамики, может быть разумно применена для характеристики всей экономики» (Ward-Perkins, 94). В частности, он считает закономерности, присущие развитию керамического производства, предназначенного для удовлетворения нужд даже *peasant households* характерными и для эволюции изготовления ткани, изделий из древесины, кожи, металлов.

Отправным моментом в заявленном анализе трансформаций, происходивших в массовой римской керамике Запада, наш автор как археолог считает следующие ее свойства: а) высокое качество, увязанное с не менее высокой стандартизацией; б) зашкаливающие количественные показатели; в) широчайшая распространенность – не только географическая, но и социальная. Подробно, на конкретных региональных примерах иллюстрируя каждое из этих свойств как кухонной посуды, так и кровельной черепицы (которая оценивается как «существенная инвестиция в инфраструктуру сельской жизни», ибо могла прилично функционировать почти в неизменном виде несколько столетий), Б. Уорд-Перкинс апеллирует к своему коллеге, археологу Д. Пикоку, который, как известно специалистам, соотносил такого рода археологический материал с этнологическими наблюдениями[27], разделив керамическое производство того времени на три типа: домашнее (без использования гончарного круга и печи для обжига), ремесленное с выходом на рынок (с применением гончарного круга, печи и лака), и, наконец, масштабное высококачественное производство, *industrial in scale*.

Б. Уорд-Перкинс отслеживает все три типа (с различными их подвидами) на многих показательных археологических памятниках и группах памятников. При этом он касается проблемы, весьма популярной в западном антиковедении, – о соотношении ролей государства и частной инициативы в региональном распределении подобной продукции. Одним из наиболее показательных примеров участия частника и госу-

[26] Аналогичная аргументация приводится исследователем в другом фундаментальном издании: *Ward-Perkins B.* Spezialised Production and Exchange // Cambridge Ancient History. Cambridge, 2000. Vol. 14: Late Antiquity. Empire and Successors, A.D. 425–600 / ed. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. P. 346–391.

[27] См., прежде всего: *Peacock D.* Pottery in the Roman world: an ethnoarchaeological approach. London; New York, 1982.

дарственного сектора экономики в производстве и распространении керамической посуды Уорд-Перкинс считает распределение по археологической карте позднеантичной Британии находок *Oxford ware* – сравнительно небольшое число памятников с этим типом керамики на территориях, располагающихся вне влияния римской администрации и довольно плотно располагающиеся друг к другу комплексы на «демилитаризованном» юге (Ward-Perkins, 102).

Дистрибутивную деятельность государства исследователь отслеживает и на примере *fabricae* сукна в Медиолане и Аквилее, производства полотна в Равенне, изготовления щитов в Кремоне и Вероне, воинских доспехов в Мантуе, луков в Павии и стрел в Конкордии. Ярким примером поиска консенсуса интересов государства и частника, вслед за Б. Уордом-Перкинсом, можно считать налаженную властями отправку хлеба из Африки (преимущественно из гавани Карфагена) в Остию, – с помощью судов и средств обслуживания всего цикла подобных операций, которые, однако, оказывались доступны и частникам для достижения коммерческих целей.

А теперь – кульминация аргументов. Вся вышеописанная система специализации производства с началом раннего средневековья рушится – в том числе и на уровне повседневной экономики, работающей на массовый, рядовой продукт. «Внушительный ассортимент и количество высококачественных функциональных товаров, которые характеризовали римский период, исчезли или, по крайней мере, существенно сократились» (Ward-Perkins, 104). Мелкие и средние рыночные центры, аккумулировавшие большую часть повседневных и качественных товаров, «кажется, почти полностью исчезают» (Ward-Perkins, 104), – картина, во многом совпадающая с тезисами марксистских вузовских учебников 30–60-х гг. XX в.

Б. Уорд-Перкинс фундирует ее реальность, прежде всего, подробным описанием археологических данных, главным образом состоянием керамики VI–VII вв. (ее упрощением и огрублением, резким ростом количества лепнины на местном уровне), иллюстрируя свои доводы схемами и таблицами. Правда, основной упор ученый делает на прекрасно знакомый ему материал Британии, но, продемонстрировав его, тут же делает оговорку – история керамических изделий, обнаруженных в слоях Рима начала «темных веков» намного сложнее. Чего стоит, например, непрерывный и масштабный импорт разнообразной продукции в амфорах из Африки. Если же учитывать расходящуюся по всему Средиземноморью керамическую тару Кипра и Фокеи, и шире – со всего побережья Леванта (амфоры с нефтью и разнообразными винами), тару, обнаруживаемую археологами в больших количествах даже в слоях скром-

ных сельских центров Ближнего Востока VI в. (Ward-Perkins, 107), то вышеупомянутая картина становится весьма неоднозначной.

Однако археология Западной Европы, если обратиться к свидетельствам состояния строительства и архитектуры, уверен Б. Уорд-Перкинс, говорит о деградации – в тех же примерно параметрах, которые характерны для керамики. Среди материала Британии (начиная с V в.), нет свидетельств добычи в карьерах строительного камня, нет данных об изготовлении кирпича и плитки. С V в. новые строения делаются либо из камня старых разрушающихся построек, либо из древесины и других менее прочных материалов, с кровлей из дерева или соломы. Впрочем, исследователь оговаривается – переход к таким материалам мог означать лишь смену культурного кода, цезуру в непрерывности, но не шаг назад, к дискомфорту, так как деревянные постройки были менее чувствительны к холоду (Ward-Perkins, 110). Полагаю, оговорка – весьма существенная, если учитывать ориентацию, например, российской цивилизации на древесину как основной материал для строительства вплоть до XX в. в климатических условиях севера Евразии.

В Средиземноморье упадок строительства, продолжает, однако, Б. Уорд-Перкинс, не был столь радикальным, но развивался в схожих формах. В городе и на селе в Италии новые постройки также возводятся из леса, но не из камня и кирпича (тезис весьма спорный даже с учетом археологических данных лангобардской зоны влияния, не говоря о Равеннском экзархате. – *А. К.*) и лишены строгих античных пропорций. В Италии VI–VII вв., кажется, только короли и епископы жили в «комфорте римского стиля», и даже жилье знати рангом ниже не отличалось удобствами. Оценивая такого рода ситуацию, Уорд-Перкинс делает весьма ответственное заявление: археологи, несмотря на значительные масштабы соответствующих изысканий, пока не выявили непрерывность в существовании *the impressive houses* конца VI–VII вв., строений, когда-то созданных по римским канонам. Из камня и кирпича в Италии теперь строились только церкви, да и то в меньших размерах.

Почти полное исчезновение чеканки по металлу (автор опять-таки опирается прежде всего на английский археологический материал), резкое сокращение поступления в Британию монет с материка[28] тем не менее не отменяли хождение, пусть и в сокращенном количестве, монет прежней чеканки, а также существование пусть и «на самых высоких

[28] Еще одно весьма ответственное заявление Б. Уорда-Перкинса – в VII в. медные монеты в Западной Европе чеканились только в тех областях, которыми управляла византийская администрация: Равенна, Рим, Сицилия (Ward-Perkins, 113).

ступенях общества <…> изделий самого высокого уровня» (Ward-Perkins, 117). Однако экономические факторы, ранее обусловливавшие появление на *a massive middle and lower market* повседневных товаров, хоть и невысокого качества, считает Б. Уорд-Перкинс, исчезли. И опять оговорка – в Западном Средиземноморье регресс в экономике не достиг такого масштаба, как в Британии (Ward-Perkins, 122).

Следует заметить, тем не менее, что исследователь не упрощает указанных процессов. Особо отмечается, например, явная зависимость между деградацией технологий и падением уровня производства пищевой продукции – на примерах археологически выявленного сокращения (по сравнению с ранней имперской эпохой) *rural sites* V–VII вв., что вело, в свою очередь, к уменьшению численности населения. Однако, как опытный реконструктор бытовой ситуации на основании археологических данных, Б. Уорд-Перкинс указывает на отсутствие жесткой взаимообусловленности таких процессов. Аргументы на этот счет он выдвигает весьма эффектные – например, римское небольшое поместье в Брадлей Хилле (Сомерсет) (частично черепичная крыша, среднего качества посуда, 78 монет в слое IV в.), где проживало две-три семьи (возможно, 20 человек) и поместье в Яверинге (Нортумберленд) (деревянные постройки, грубая посуда и т. п.), где проживало около ста человек, – что, конечно, не исключает падения общей плотности населения на квадратную милю. В качестве примера связи небольших усадеб в достаточно плотно заселенных районах с местными рынками приводятся данные раскопок в Северной Сирии (наиболее представительных в местечке *Bamukka*) и в Италии (особенно – вблизи Луни), где на небольших террасах крутых склонов в I–II вв. производились высокотоварные культуры, а в позднеантичные и раннесредневековые времена происходит поворот к *more mixed, and hence lee productive, agriculture* (Ward-Perkins, 142–145)[29].

Исследователь прекрасно понимает, что констатации подобных фактов недостаточно. Следует задаться вопросом – что разрушало былой уровень производства и экономики в целом? Подыскивая верную методику ответа, наверное, правомерно начинать с давно установленной

[29] Подробно о переменах в городской структуре Луни при переходе к средневековью (на основании данных археологии) см.: *Ward-Perkins B.* Luni: the Decline and Abandonment of the Roman Town // Papers in Italian Archeology. Oxford, 1978. Vol. 1. P. 313–322; *Idem*. Luni: prosperity of the town and its territory // Archaeology and Italian society: prehistoric, Roman and medieval studies / ed. by G. Barker, R. Hodges. Oxford, 1981. P. 179–190.; *Idem*. Two Byzantine Houses at Luni // Papers of the British School at Rome. 1981. T. 49. P. 91–98.

аксиомы, что крах не был единовременным, а растянулся на столетия, – причем разные сегменты хозяйственной системы приходили в упадок с различными темпами на совершенно разных временных отрезках. Например, экономика римской Британии начала снижать уровень уже в конце IV в. и деградировала быстро, а в Италии и Северной Африке – начавшись в V в., весьма медленно. В Восточном же Средиземноморье (и с этим согласно большинство российских византинистов) в V – начале VI в. имел место пусть и ограниченный, но хозяйственный подъем (ср.: Ward-Perkins, 125–126). Б. Уорд-Перкинс в данном случае апеллирует, как и большинство интересующихся этими процессами специалистов, к опубликованным археологическим материалам Афин, Коринфа к исследованиям останков вилл и сельских рядовых усадеб Северной Сирии, выполненных Ж. Чаленко. Правда, на работы Чаленко в книге Б. Уорд-Перкинса ссылок нет. Автор предпочитает обращаться к англоязычным публикациям М. Уиттоу, К. Фосса, Х. Кеннеди и др.

Характеристика общего состояния городской жизни Византии начала «темных веков», которую дает исследователь опять-таки по данным англоязычных археологических публикаций, во многом совпадает с изысканиями, которые в свое время провел Г. Л. Курбатов[30]. Однако если ленинградский византинист уверенно мог апеллировать к немногим урбанистским материалам, например, к данным раскопок Эфеса, то Уорд-Перкинс обращается к бóльшему количеству примеров. Особенно впечатляет археологическая топография Афродисия (Кария), значительная территория которого была в VII в. заброшена; нумизматические находки этого слоя скудны, и сами монеты, считает исследователь, по качеству не лучше монет Британии V в. Б. Уорд-Перкинс, естественно, дополняет это наблюдение данными о массовых остатках огрубевшей керамической посуды в слоях VII в. в Греции. Некоторым отличием от такого рода ситуации он справедливо считает более позитивное состояние городской территории, производства и монетного обращения в

[30] См.: *Whittow M.* The making of orthodox Byzantium, 600–1025. London, 1996. P. 89–95; *Morrisson C.* Byzance au VIIe siècle: témoignage de la numismatique // Byzance : hommage à André Stratos / éd. par Nia Stratos. Athènes, 1986. Vol. 1. P. 149–163; *Hayes J. W.* Pottery of the 6th and 7th Centuries // L'époque de Justinien et les problèmes des VIe et VIIe siècles / éd. par N. Cambi, E. Marin. Split, 1998. P. 541–550. Из англоязычной литературы о находках посуды начала «темных веков» в Греции см.: *Vroom J.* After antiquity: ceramics and society in the Aegean from the 7th to 20th century A.C.: a case study from Boeotia, Central Greece. Leiden, 2003. P. 49–58.

Константинополе и его округе, а также в основных центрах Леванта и Египта (Ward-Perkins, 126).

Как мы видим, налицо известное сходство с рядом распространенных в научных школах России взглядов на содержание процессов в социально-экономической сфере переходного периода от античности к средневековью. Но, тем не менее, установление перечисленных фактов и тенденций лишь в незначительной степени приближает к пониманию причин констатируемого экономического регресса. Один из методических изъянов поисков Б. Уордом-Перкинсом причин падения античности, по-моему, состоит в непоследовательности выборов направлений, по которым эти поиски следует вести. Например, последний раздел главы VI в интересующей нас книге демонстрирует попытку установить названную причинность, исходя из чисто экономических реалий.

Автор утверждает, что «изощренность экономики» (*economic sophistication*) всегда имеет отрицательную сторону, – в случае с древностью это означает, что поскольку тогда в основном преобладали автономные местные хозяйственные единицы с незначительной специализацией труда (внутри них самих и между ними), то они могли пережить трудности дезинтеграции целостностей, в которые были включены. Но если они оказывались органичными звеньями сложной системы с высоким уровнем специализации (а значит, с большим рынком потребителей, с необходимостью большой, перманентно циркулирующей денежной массой, с развитыми коммуникациями и т. д.), то становилась очень хрупкой. Непрочность системы, добавляет Уорд-Перкинс, возрастала из-за ее зависимости от сотен тысяч так или иначе обслуживающих ее людей, занимающихся еще более специализированными работами – от смазки колес для телег до содержания придорожных гостиниц. Когда подобные специализированные звенья дисбалансировались из-за вторжений или чумы, шаталась вся система.

Исследователь считает, что сравнимость подобной целостности с современным западным миром очевидна и важна. Специализация производства и услуг сейчас намного выше и охватывает весь земной шар. Поэтому в критической ситуации начала XXI в. мы, по мысли автора, не сможем удовлетворить за счет местных, локальных ресурсов даже минимальные потребности (Ward-Perkins, 137).

Несложно заметить, что подобная логика в определенной степени дистанцируется от учета многофакторности детерминизма перехода от античности к средним векам. Однако надо отдать автору должное – он не абсолютизирует такой подход.

Серьезный шаг в корректировке названной методики Б. Уорд-Перкинс делает, заявляя о близкой связи между дезинтеграцией им-

перской государственности и распадом экономики. И вот тут-то наступает момент истины – историк полагает, что доступные нам свидетельства «весьма решительно» (*very strongly*) подсказывают, что «региональные экономические системы» (независимо от их состояния) были разрушены политическими и военными затруднениями (Ward-Perkins, 128). В конкретизации данного тезиса исследователь доходит до трагического пафоса: «Хотя германские народы и не намеревались этого сделать, но их вторжения, разруха, которую они вызвали, и последующее расчленение римского государства несомненно являлись основной причиной смерти римской экономики. Захватчики не были виновны в преднамеренном убийстве, но совершили убийство непредумышленное» (Ward-Perkins, 134).

Нет ничего странного в том, что одним из способов подтверждения этой мысли становится сравнение ситуации в Западной и Восточной империи. Здесь исследователь с фактологических позиций как будто прав – подъем экономики в Эгеиде и в регионе Леванта сопровождался в V–VI вв. годами мира и стабильности (за исключением ситуации на Северных Балканах, в Нижнем и Среднем Подунавье) – до персидского вторжения 540 г.

Конечно, темпы развития катастрофы в разных районах Римской державы были разными, в Британии – высокими, в Западном Средиземноморье – намного ниже. Причем скольжение вниз, по наклонной, могло прерываться годами нормализации обстановки. И даже на Востоке в VI в. благодаря началу наступления славян и аваров, а со стороны Евфрата – Сасанидов система военно-политического контроля империи над ситуацией расшатывается, а в первой половине VII в. рушится из-за арабского нашествия. При этом Б. Уорд-Перкинс (вслед за многими специалистами) не считает возможным говорить о деградации экономики Ближнего Востока под властью Омейядов, но признает быстроту такой деградации в Эгеиде, сравнивая ее темпы с ситуацией в Британии V в. Не менее важно мнение исследователя о несколько иных процессах в Италии и Африке VI столетия; он пишет о первоначальном «медленном развитии» (*slow unwinding*) на базе этих территорий имперской и коммерческой систем, способных охватить все Средиземноморье, но остановленных на Апеннинском полуострове готскими войнами и лангобардскими вторжениями, а на землях будущего Магриба – миграцией берберов.

Связывая напрямую экономику и военно-политическую ситуацию, Б. Уорд-Перкис руководствуется простой логикой: например, после завоевания Африки вандалами многие аристократы Италии и Галлии, имевшие там, за морем, недвижимость, утратили ее и тем самым поте-

ряли прежнюю покупательную способность (пример – судьба состояния благочестивой Меланьи). Можно согласиться с автором, что в результате подобных процессов торговля Европы с Африкой к VII в. сократилась чрезвычайно, соответственно пострадали и государственные *fabricae*, что вынуждало поднимать налоги, а это понизило бюджеты городов, отчего сократились возможности последних, например, в борьбе с бубонной чумой, захлестнувшей Средиземноморье в 541 г. (Ward-Perkins, 132). Можно согласиться и с утверждением, что на местах, особенно в пограничье, общины пытались хоть как-то сохранить стабильность, отдаваясь под покровительство ближайшего варварского короля (как и в монографии П. Хизера, для данного случая приводится в пример поведение жителей Норика, – на основании сообщений «Жития св. Северина»)[31]. Следует, однако, оговориться, что более обстоятельно такие наблюдения были уже проделаны Ф. Лоттером и Г. Виртом, а обобщены (с использованием современных методик) Э. Томпсоном[32].

Набросанные здесь эскизы к картине *catastrophic collapse*, как ее преподносит соответствующее историографическое направление в изучении распада античной цивилизации и становления средневековой, – на примере одного из самых ярких современных выразителей этого направления, – не могут претендовать на полноту и завершенную точность. Мне хотелось лишь выделить в концепции и аргументации Б. Уорда-Перкинса наиболее конструктивные моменты, способные усилить внимание к социальной составляющей причин падения Римской империи. Мне хотелось также отметить те противоречия в наблюдениях английского ученого, которые возникают при недостаточном учете эволюции сословно-социальной структуры поздней античности. Выведение политических последствий непосредственно из состояния экономики, по моему мнению, привело автора к ряду неверных заключений.

Статья поступила в редколлегию 31.05.2015 г.

[31] См.: *Heater P.* The fall of the Roman Empire… P. 412–414.

[32] См.: *Lotter F.* Severinus von Noricum: Legende und historische Wirklichkeit. Stuttgart, 1976. S. 201 u. folg.; *Wirth G.* Anmerkungen zur Vita des Severin von Noricum // Quaderni catanesi di studi classici e medievali. Catania, 1979. Vol. 1. P. 217–266; *Thompson E. A.* Romans and barbarians: the decline of the western empire. Madison, 1982. P. 113–133.

Козлов Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
древнего мира и средних веков
Уральский федеральный университет
620083, Екатеринбург, Россия
Электронная почта: alarich@olympus.ru

Alexander Kozlov
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor at the Department
of Ancient and Medieval History
Ural Federal University
620083, Ekaterinburg, Russia
e-mail: alarich@olympus.ru

Antičnaâ drevnost' i srednie veka. 2015. Vol. 43. P. 40–61
DOI 10.15826/adsv.2015.43.002

Alexander Kozlov

PROBLEM OF FALLING OF ROMAN EMPIRE AND B. WARD-PERKINS'S BOOK

Abstract: The presented research concentrates attention on following problems: the basic questions of falling of Roman Empire in a modern western historiography; a place in this historiography of the monography of Bryan Ward-Perkins.

Keywords: Historiography of falling of Roman Empire, the newest English-Saxon theories of falling of an antique civilization, Bryan Ward-Perkins.

Literature Cited

Bury, J. B. *Varvary i Rim: Krushenie imperii*. Moskva, 2013.
Bartlett, B. "How Excessive Government Killed Ancient Rome". In *The Cato journal: an interdisciplinary journal of public policy analysis* 14 (1994). P. 287–303.
Bourdon, J. "Le monde antique s'est-il dépeuplé? " In *Journal de la Société Statistique de Paris* 89 (1948). P. 102–118.
Bowersock, G. W. "The Vanishing Paradigm of the fall of Rome". In *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences* 49 (1996). Vol. 49. P. 29–43.
Bowersock, G. W. *Selected Papers on late Antiquity*. Bari, 2000.
Brown, P. *The world of late antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad*. London, 1971.
Brown, P. T*he world of late antiquity: A.D. 150–750*. London, 1976.
Brown, P. *The Making of Late Antiquity*. Cambridge, 1978.
Brown, P. "The World of Late Antiquity Revisited". In *Symbolae Osloenses: Norwegian Journal of Greek and Latin Studies* 72 (1997). P. 5–30.
Bury, J. B. *A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.)*. London, 1889. Vol. 1–2.

CORRADINI, R., DIESENBERGER, M., REIMITZ H. (ed.). *Construction of communities in the early Middle Ages: texts, resources and artifacts*. Leiden, 2003.
DAILEADER, PH., WHALEN, PH. (eds.). *French historians, 1900–2000: new historical writing in twentieth-century France*. Malden, Mass.; Oxford, 2010.
DEMANDT, A. "Der spätrömische Militäradel". In *Chiron: Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts* 10 (1980). S. 609–637.
DEMANDT, A. *Der Fall Roms: die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt*. München, 2014.
DOWNEY, G. *The Later Roman Empire*. New York, 1969.
FERRILL, A. *The fall of the Roman Empire: the military explanation*. New York, 1986.
GIARDANA, A. "Esplosione di tardoantico". In *Studi storici* 40 (1999). P. 157–180.
GOFFART, W. *Barbarians and Romans, A.D. 418–584: the techniques of accommodation*. Princeton, 1980.
GOLDSWORTHY, A. *The fall of the West: the Death of the Roman Superpower*. London, 2009.
HAYES, J. W. "Pottery of the 6th and 7th Centuries". In *L'époque de Justinien et les problèmes des VIe et VIIe siècles*. Ed. N. Cambi. Split, 1998. P. 541–550.
HEATHER, P. J. *Goths and Romans, 332–489*. Oxford; New York, 1991.
HEATHER, P. J. *The Goths*. Oxford, 1996.
HEATHER, P. J. *The fall of the Roman Empire: a new history of Rome and the Barbarians*. Oxford, 2006.
HEATHER, P. J. *Empires and Barbarians. Migration, development and the birth of Europe*. London, 2009.
HEICHELHEIM, F. M. "Römische Sozial- und Wirtschaftsgeschichte: von der Königszeit bis Byzanz". In *Historia mundi: ein Handbuch der Weltgeschichte in zehn Bänden*. Ed. F. Valjavec. Bern, 1956. S. 397–488.
HODGES, R., WHITEHOUSE, D. *Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe: archaeology and the Pirenne thesis*. New York, 1983.
KOZLOV, A. S. "Rez.: Heather P. J. The fall of the Roman Empire: a new history of Rome and the Barbarians. Oxford, 2006". In *Vizantijskij Vremennik* 71 (2012). S. 299–307.
KOZLOV, A. S. "Rekonstrukcija istorii padenija Zapadnoj Rimskoj imperii". In *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta* 105 (2012). S. 290–297 (Ser. 2: Gumanitarnye nauki).
LOTTER, F. *Severinus von Noricum: Legende und historische Wirklichkeit*. Stuttgart, 1976.
MATHISEN, R. W., SHANZER, D. (ed.). *Society and culture in late antique Gaul: revisiting the sources*. Aldershot, 2001.
MCCORMICK, M. *Eternal victory: triumphal rulership in late antiquity, Byzantium and the early medieval West*. Cambridge; Paris, 1986.
MCCORMICK, M. *Origins of the European economy: communications and commerce, A.D. 300–900*. Cambridge, 2001.

MJUSSE, L. *Varvarskie nashestvija na Evropu: germanskij natisk*. Sankt-Peterburg, 2006.
MORRISSON, C. "Byzance au VIIe siècle : témoignage de la numismatique". In *Byzance : hommage à André Stratos*. Ed. N. Stratos. Athènes, 1986. Vol. 1. P. 149–163.
PEACOCK, D. *Pottery in the Roman world: an ethnoarchaeological approach*. London; New York, 1982.
Strategies of distinction: the construction of ethnic communities, 300–800. Leiden, 1998.
ROSTOVTZEFF, M. I. *The social and economic history of the Roman Empire*. Oxford, 1957.
SELUNSKAJA, N. A. "«Late Antiquity»: istoricheskaja koncepcija, istoriograficheskaja tradicija i seminar «Empires Unlimited»". In *Vestnik drevnej istorii* 1 (2005). S. 249–253.
SHTAERMAN, E. M. "Antichnost' v sovremennyh zapadnyh istoriko-filosofskih teorijah". In *Vestnik drevnej istorii* 3 (1967). S. 3–24.
THOMPSON, E. A. *Romans and barbarians: the decline of the western empire*. Madison, 1982.
TOJNBI, A. *Postizhenie istorii. Izbrannoe*. Moskva, 2001.
TOYNBEE, A. J. *A study of history*. Oxford, 1961. Vol. 12.
POHL, W., WOOD, I., REIMITZ, H. (ed.). *Transformation of frontiers from late antiquity to the Carolingians*. Leiden, 2001.
VASHHEVA, I. Ju. "Koncepcija pozdnej antichnosti v sovremennoj istoricheskoj nauke". In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta* 6 (2009). S. 220–231.
VROOM, J. *After antiquity: ceramics and society in the Aegean from the 7th to 20th century A.C.: a case study from Boeotia, Central Greece*. Leiden, 2003.
WARD-PERKINS, B., BRYAN J. "Luni – the decline and abandonment of the Roman town". In *Papers in Italian Archeology* 1 (1978). P. 313–322.
WARD-PERKINS, B. "Luni: prosperity of the town and its territory". In *Archaeology and Italian society: prehistoric, Roman and medieval studies*. Ed. G. Barker, R. Hodges. Oxford, 1981. P. 179–190.
WARD-PERKINS, B., BRYAN, J. "Two Byzantine houses at Luni". In *Papers of the British School at Rome* 49 (1981). P. 91–98.
WARD-PERKINS, B. "Spezialised Production and Exchange". In *Cambridge Ancient History*. 14 (2000). Ed. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2000. P. 346–391.
WARD-PERKINS, B. *The fall of Rome and the end of civilization*. Oxford; New York, 2005.
WHITTOW, M. *The making of orthodox Byzantium, 600–1025*. London, 1996.
WICKHAM, C. *The inheritance of Rome: a history of Europe from 400 to 1000*. New York, 2009.
WIRTH, G. "Anmerkungen zur Vita des Severin von Noricum". In *Quaderni catanesi di studi classici e medievali* 1 (1979). P. 217–266.
WITSCHEL, C. "Imperium im Wandel. Das Ende des Römischen Reiches im Urteil der modernen Geschichtswissenschaft". In *Praxis Geschichte* 1 (2014). S. 4–11.